

которые носят явные следы русского содержания и русского авторства. Мы должны вспомнить, что и в гораздо более строгие предыдущие десятилетия вовсе не требовалось при переводах непременно представлять цензору и оригинал. Напр. Бирон в 1735 г. поручил Феофану Прокоповичу просмотреть рукописный перевод книги «Грациан, придворный человек» и на желание Феофана получить себе в помощь знающего французский язык Бирон дополнительно писал: «. . . послал ее токмо, чтобы ваше преосвященство в свободное время изволили ее просмотреть, какое она в себе достоинство имеет, и по здешней ситуации можно ли ее напечатать для употребления и выдать в народ, и будет ли в ней польза».¹ В директивах Юсупова кроется и полный ответ на вопрос, почему Сумароков не смог печатать свою «Трудолюбивую пчелу» в типографии Кадетского корпуса, а должен был обратиться в типографию Академии Наук и проходить академическую цензуру. Следующим мероприятием по организации цензурного надзора за типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса была кооптация иеромонаха корпуса в цензурный коллектив с половины 1761 г. «Все книги, отдаваемые в печать на казенном и собственном коште пересматривать оберпрофессору и еще 4 человекам, чтоб в оных закону, правительству и благопристойности ничего противного не было; а когда кто в тех книгах до священного писания касаться будет, то оные просматривать с ними находящемуся при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе иеромонаху или иеродиакону».² Прежде всего нужно указать по этому пункту, что Мельгунов именем Петра Федоровича требовал на должность иеромонаха Сухопутного шляхетного кадетского корпуса людей с непременным знанием живых иностранных языков и с большим кругозором. Так, напр., с 1761 г. намечен был к переводу в корпус из Кисва иеромонах Феокист Мочульский, как «жития и состояния добропорядочного, в проповеди слова божия достаточный священный богослов, також французскому и немецкому языку обученный».³ Ясное дело, что чем шире было образование у иеромонаха, тем меньше он находил в представляемых рукописях препятствий к печатанию. В конкретной действительности иеромонах был постоянным членом цензурного коллектива и получил по 12 экз. за просмотр с религиозной точки зрения даже таких книг, как «Russisch-Kayserl. Schleswig-Hollsteinisches Kriegs-Reglement für Cavallerie» (1762), «Строевой устав пехотному полку для российской императорской армии» (1762) и «Бергпривилегия и регламент» (1762).⁴

В таком виде цензурный коллектив представлял для издателей довольно тяжелое экономическое явление. Четыре его члена, считая по 12 экз. на каждого, получали 48 экз. А между тем, как видно

¹ И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1863, стр. 597.

² П. Столянский. Из прошлого Рыцарской Академии. Педагогический сборник, 1915, № 1, часть неофиц., стр. 49.

³ ЛОЦИА, фонд № 314, год 1760, дело № 21, л. 6 и др.

⁴ ЛОЦИА, фонд № 314, дело № 1213, связка № 125.